

11 мая 2003 года ушел из жизни Олег Бобков. Ему посвящается.

Алгебра судьбы

(араб. al-gabr - улаживание.
Словарь античности. Москва, 1989 г.)

11 мая 1989 года мы с группой однокурсников отмечали в любимой кофейне на Соколе уже не помню чей день рождения. В этой кофейне постоянно «паслась» добрая часть «Строгановки», которую я как раз заканчивала. Торт, испеченный женой именинника, был необыкновенно вкусен, и только я задумалась о втором куске, как его взяла некая девица вообще не с нашего курса и пошла угощать незнакомого офицера, сидевшего через столик от нас. Кусок торта уплыл, разочарованию моему не было предела. Ровно через месяц я благополучно получила диплом дизайнера, а старший лейтенант, сидевший за соседним столиком, стал капитаном и уволился в запас. Еще через четыре месяца, 8 октября, я стояла возле метро и мучительно выбирала, куда пойти – на занятия в секцию или пить кофе. Неведомая мне сила просто притащила меня в кофейню и с порога приковала к серым глазам молодого человека (уже в штатском) ровно на 14 лет, до 11 мая 2003 года. Но тогда нашего будущего я не знала, просто поняла, что это судьба. Это после мы, смеясь, вспомним тот кусок торта, это после возникнет множество мистических совпадений и пересечений в жизни, это после, через десять лет, в день нашего знакомства 8 октября скончается мой отец, и я буду затаптывать в подсознании страх очередного совпадения и вопрос, сколько осталось идти вместе. А пока началась новая эпоха в нашей жизни и, как ни странно, целой области искусства. Вот так скромненько.

У Олега было высшее техническое образование и он был офицером, вернее даже – воином по складу характера. Бог даровал ему интуицию, любовь к искусству и оружию. Это в скорости и определило нашу дальнейшую деятельность: тандем – офицер плюс художник дал плодотворный результат. Этот тандем неизменно проходил через все наши последующие фирмы; люди вокруг не выдерживали, уходили, а первоначальное «ядро» – мы с Олегом – оставались константой, величиной постоянной.

Сначала мы планировали создание галереи, занимающейся прикладным искусством. Мой отец был ювелиром, любил металл вообще и ковку в частности, и, зная про-

ГАО «Русские палаты» на Арбате, 1996 г.

фессора Бауманского института Анатолия Зимины, бывал у него в Салтыковке в музеековки и на традиционных кузнечных фестивалях. На первом же фестивале, на который попал Олег, он «загорелся» идеейковки клинков из дамасской стали. Олег работал с Союзом кузнецов и принимал участие в организации той самой выставки в Центре народного творчества на улице Чернышевского летом 1993 года, которая была приурочена к очередному фестивалю и с которой все и началось. Один из тульских мастеров не побоялся выставить два украшенных ятагана в ореховом футляре. На этой же выставке совершенно случайно одновременно с Олегом оказался его бывший сослуживец. Ятаганы потрясли его воображение своим существованием, и он предложил организовать выставку подобных вещей, пока его фирма ожидала получения лицензии на торговлю охотничьими ружьями, и пустовал уже отремонтированный зал на Волгоградском проспекте. Олег решил попробовать.

А дальше было все как в сказке: я просто взяла список членов Союза кузнецов и стала обзванивать по большей части незнакомых мне людей с предложением принять участие в выставке.

Представьте себе, вы – кузнец, изготавливаете ножи. Ваш участковый об этом знает. Или не знает. Если знает, то закрывает глаза на нарушение вами закона – весьма серьезной статье – в обмен на клинок себе, тестю, деверю, другу

и т. д. И тут вам звонит девочка-белочка и говорит приблизительно следующее: «Не хотите ли вы поучаствовать в выставке холодного авторского оружия? Мы решили ее организовать и приглашаем вас». Некоторые посылали меня открытым текстом, некоторые – вежливо. Но нашли и те, кто, заинтересовавшись, решили пойти посмотреть, что за выставка такая.

Как потом признались мастера, все взяли с собой свои работы, но показывать собирались только «оглядевшись на местности» – советская действительность приучила к осторожности.

Назначили день просмотра, народа собралось довольно много – из Москвы, Тулы, Суздаля, Владимира, Коломны и т. д. Мы сами не ожидали такого количества людей. Олег опоздал. Мастера занервничали: собрать собрали, а ничего толком сказать не могут. Наконец, он подъехал и начал объяснять «кто мы, что мы и зачем». Это у него всегда хорошо получалось – убеждать людей, – но, как потом сам Олег признался, он до последнего времени был благодарен Леониду Архангельскому за то, что тот первым достал и показал принесенные вещи, дав, таким образом, возможность и остальным мастерам решиться.

Когда планировалась выставка, я как-то не боялась организационных проблем: за спиной было более двух десятков «своих» ювелирных выставок, вступление в Московский союз художников и Международную федерацию художников и некоторый опыт оформления экспозиций разделов ювелирного искусства. Но, встав посередине пустого зала на Волгоградском проспекте, я просто растерялась, не зная, с чего начать. На помощь пришли профессионалы из Оружейной палаты – Алексей Левыкин и Игорь Комаров, тогда старшие научные сотрудники Оружейной палаты. По сути, первую экспозицию делали они. Получилось замечательно. Когда мы увидели, какие сокровища (не побоюсь этого слова) были выставлены, мы поняли, что это тема если не всей жизни, то значительной ее части, и одной выставкой здесь не обойдешься, надо делать галерею. Галерею авторского оружия и никак не меньше. Название нашей первой фирмы – ГАО – так и расшифровывалось. Именно тогда с подачи Олега впервые возник сам термин – авторское оружие, который впоследствии прижился.

«Авторское» по аналогии с ювелирным искусством – это «узаконенный» термин для эксклюзивных выставочных, часто концептуальных вещей. «Галерея» – потому что это оружие было искусством и требовало особого подхода, которому нам еще предстояло научиться: создать общественное мнение, создать рынок, которого не было и быть не могло, поскольку не было в законе самого понятия авторского, художественного, коллекционного оружия. Когда мы рассказывали кому-либо о том, что сохранились, несмотря ни на что, школы оружейного мастерства и есть уникальные вещи, реакция чаще всего была: «Это то, что на зоне делают?»

Вся последовавшая многолетняя работа была направлена на то, чтобы легализовать эту сферу деятельности мастеров, «вывести ее на свет Божий». Благодаря многочисленным телепередачам, публикациям, «работе с законом» и самой выставке уже года через два-три люди стали к словосочетанию «авторское оружие» относиться совершенно иначе.

Иначе стали относиться к этому оружию и мы сами. Несмотря на восхищение красотой выставочных вещей, некий психологический блок внутри присутствовал: «Как же! Это ведь оружие, это плохо. Ножом и убить можно.» Подавляющее большинство посетителей Галереи думали так же. Не убеждала статистика МВД, согласно которой на долю охотничьих ножей, самых обычных, приходилось не больше 1,5% всех преступлений, совершенных различными предметами, вроде кухонной утвари, топоров и пр., а коллекционных ножей вообще не было зарегистрировано. Не утешали логичные, вполне справедливые соображения, что ни один «умный человек» не будет платить «бешеные» деньги, чтобы, купив эксклюзивный нож, кого-нибудь им порешить. Убедила нас с Олегом одна фраза Алексея Левыкина: «Убивает не оружие, убивает человек».

Все сразу в голове встало на место: не надо на инструмент списывать грех души, если ты кого-нибудь стукнул сковородкой, она в этом не виновата. А если говорить о ноже – истинном произведении искусства, то он может спровоцировать на агрессию не больше, чем любое другое произведение искусства. А если кого и может, то это уже не к ножу вопрос, а к психиатру.

Наверное, отчасти благодаря именно такому подходу все получалось – изначально не было в работу заложено зла. Это – характер Олега, поэтому свыше ему было поручено вести это дело. Никто другой с этим справиться не мог бы. Почти сразу же Алексей Левыкин и Игорь Комаров предложили нам сделать в Оружейной палате первую небольшую выставку современного холодного авторского оружия – всего 17 вещей. В напряженном расписании Палаты в ноябре 1993 года появилось «окошко», и экспозиция длилась чуть больше двух недель. Но это была первая специализированная клинковая выставка за всю историю музейных экспозиций. Потом Олег узнал, что в собрании Оружейной палаты нет современных вещей, и ему пришло в голову от Галереи авторского оружия просто подарить Палате шесть предметов, положив начало современному музейному собранию и новой традиции. Осенью 1995 года коллекция Оружейной палаты пополнилась пятью ножами и моделью пистолета с капсюльным замком.

С выставки «Современное холодное авторское оружие», прошедшей в Оружейной палате в 1996 году, от имени созданных Олегом «Русских палат» было передано в дар десять вещей, в том числе – знаменитый нож «Данко»: идея формы (дизайна) и названия (по первым слогам фамилий Данилин и Корешков) принадлежала Олегу.

В 2000 и 2001 гг. уже от Клуба коллекционеров оружия – новой фирмы, которую к тому времени создал Олег, было подарено еще шесть работ. Начинание подхватили, и передача современных вещей Оружейной палате от мастеров и коллекционеров за 10 лет стала традицией.

А тогда, в 1994 г., после ноябрьской выставки возникла свежая мысль – организовать для мастеров в фондах и залах Оружейной палаты и ГИМа курсы-семинары, которые проводили сотрудники музеев. Прослушать курс лекций по истории ювелирного и ножевого искусства и поддержать в руках лучшие образцы холодного оружия наших предков оказалось достаточно, чтобы люди начали на глазах совершенствоваться в мастерстве. Семинары впоследствии тоже

проводились не раз, и сотрудничество мастеров-оружейников с музеями стало реальностью, фантастической для кузнецов социалистической эпохи.

В мае-июле 1994 года была еще одна этапная выставка – совместно с Музеем Вооруженных сил и Госстандартом России Галерея организовывала Первую Московскую Международную выставку «Гражданское оружие – законность, надежность, безопасность». Мы оформляли большой раздел авторского оружия – почти половину экспозиции. Работники Музея Вооруженных сил, думаю, до сих пор помнят, как наша «команда» сломала весь размеренный график их работы. В последний день перед открытием мы разошлись по домам в пять часов утра (!), заставив изрядно понервничать участников и организаторов: а вдруг не успеем к приезду официальных лиц? Успели. Умудрились даже пару часов отдохнуть и неплохо выглядеть на открытии. Получилось так хорошо, что выставку, вместо запланированного мая, продлили еще на июнь.

Но выставки выставками, а главным было то, что Олегу в 1996 г., наконец, удалось получить для Галереи «лицензию на производство холодного оружия за № 002, первая была у ЦКИБа», как любил говорить Олег, теперь мастера могли «распрямить спины»: люди, которые составляли гордость государства, перестали быть в глазах государства преступниками. Я помню этот момент, когда Олег позвонил мне и, счастливый, закричал в трубку: «Алешка, у нас теперь есть лицензия!» Ощущения у меня были парадоксальными – с одной стороны, мы тоже перестали быть преступниками, коими являлись в течение трех лет, поскольку с точки зрения властей «незаконно торговали холодным оружием». С другой стороны, возникло чувство, что некий временный срок заменили пожизненным заключением, гора с плеч не свалилась. Наверное, интуиция подсказала, что дальше будет еще труднее. Дальше и было труднее: к тому времени неприятности у приютившей нас фирмы на Волгоградском проспекте лишили нас выставочного зала, и некоторое время мы работали в подвешенном состоянии в офисе на Проспекте Мира. Потом создали ГАО «Русские палаты» на Арбате – название прежней фирмы органично вписалось в название новой. Галерейный подход был необычным и новым не только у нас, где самого явления авторского оружия не было, но и за рубежом, где выставки-продажи, так называемые blade-show, а по смыслу – просто ярмарки, проходили ежегодно в Европе и Америке с 60-х годов теперь уже прошлого века и где не было проблем с законом. Олег ездил в Штутгарт и Канны, посылал меня в командировку в Париж, и везде, когда узнавали, как мы работаем, удивлялись. Им просто в голову не приходило, что с ножами можно обращаться, как с картинами, а Олегу пришлось. Он первый в России начал сопровождать авторские ножи так называемыми паспортами, с обязательными фотосъемкой и описанием. Как людей. У Олега отношение к уникальным вещам было как к одушевленным созданиям. По его мнению, любой нож, представляющий культурную ценность, должен отслеживаться на протяжении своего жизненного пути, проходя через выставки, аукционы, продажи. Любой достойный нож должен получить офи-

Олег с Игорем Комаровым, пресс-конференция, посвященная передаче вещей в Оружейную палату, 2000 г.

циальное историко-искусствоведческое экспертное заключение.

По инициативе Олега был изменен и порядок проведения экспертизы уникальных ножей в ЭКЦ, где обычно испытание на прочность проходило в прямом смысле этого слова – ломался один из образцов.

Он первым предложил создать базу данных по клеймам современных кузнецов и ювелиров, работающих с авторским оружием.

Кстати, идея придать современным эксклюзивным ножам статус культурной ценности тоже принадлежит Олегу: достояние страны не должно разбазариваться. Сама форма работы с вещью определяет историко-культурный и ценовой рейтинг не меньше, чем имя мастера и художественное и исполнительское качество. Это тоже know-how Олега, которое он воплощал в жизнь, причем успешно. Неважно, что наша первая фирма принадлежит сейчас другим людям. Неважно, что все последующие странной прихотью судьбы тоже уходили от нас. Иногда – как в плохих детективах. Все это уже тема другого романа.

Главное, что за десять самых плодотворных лет из такой недолгой жизни именно Олег изменил отношение закона к авторскому оружию, дав возможность мастерам работать легально. Будучи прекрасным стратегом, он объединил вокруг себя группу единомышленников, начавших рабо-

тать в том же направлении, он сформировал положительное общественное мнение и ему принадлежит идея работы с ножами, как с произведениями искусства. Он «сделал имена» огромному количеству прекрасных мастеров, которых теперь многие коллекционеры знают, как известных современных художников. По словам Андрея Корешкова, «он создал вселенную, в которой мы все теперь можем работать и в которой каждому нашлось место. Эти десять лет были эпохой Олега Бобкова».

Он, Олег, изменил отношение к авторскому ножу и со стороны коллекционеров, по сути, сформировал целый пласт современных собирателей современного авторского оружия.

Вникнув в тему коллекционирования, Олег столкнулся с тем, что оно тоже вне закона. Начался следующий этап работы – по легализации рынка всего коллекционируемого оружия: современных вещей и антиквариата. Последнее «детище» Олега, Клуб коллекционеров оружия, и был призван защищать интересы и права уже «потребителя», решать вопросы, с которыми неизбежно сталкивался владелец или желающий стать владельцем оружейного собрания.

Олег любой темой занимался основательно, целостно и при этом подробно, найдя одно направление работы, охватывал все смежные. Он умел думать и у него это хорошо получалось. Он умел вдохновлять и давать творческий импульс людям.

По сути Олег лишил отношение к оружию той предвзятости, которая его окружала, показав людям, что оно может быть «предметом для любования». «Культура обращения с оружием – это показатель культуры нации в целом», – любил повторять Олег. Он понимал, что в конечном итоге отношение к оружию как к средству воздействия на этот мир определяет меру ответственности каждого перед этим миром: за меч надо брать чистыми руками. Что лучше характеризует воина?

Если в 1993 г. мы были первыми и единственными, то теперь фирм, занимающихся авторским оружием, не один десяток. Сейчас существуют не только фирмы, но целый ряд оружейных и специализированных клинковых выставок, Гильдия мастеров-оружейников и секция мастеров-оружейников при Московском областном союзе художников – реальное признание того, что изготовление ножей вышло на уровень искусства. Иными словами, Олег смог сделать то, чего в принципе сделать было невозможно – он создал рынок авторского оружия, заложил фундамент цивилизованного оборота коллекционируемого оружия в целом. Именно в этом заключается его Успех.

Но и это еще не все. В последние годы одной из основных тем работы Олега была охрана природы и охотничьих ресурсов, борьба с браконьерством. Так же, как с ножами, он понимал, что грамотный охотник – это не человек, который убивает животных, а человек, который профессиональным научным подходом поддерживает в природе необходимый баланс и этим животных охраняет. Олег был инициатором создания общественной охотинспекции и часто сам ездил в охотхозяйства на рейды по борьбе с браконьерами. Просто потому, что любил лес и не мог безучастно смотреть на то, что творилось в этой области. Такой характер –

он не выносил несправедливости. И раньше, и теперь еще больше я удивляюсь, как он с таким характером жил в мире бизнеса. Исключительность и надежность были и остаются его отличительными чертами.

Когда мы только начинали, без поддержки, без средств, знающие люди говорили: «Ребята, куда вы лезете?» Но все получилось, потому что Олег умел менять законы в самом широком смысле этого слова. Он жил по каким-то высшим, одному ему и Богу ведомым правилам, рискуя, подставляясь, беря на себя ответственность за других людей и долги других людей, прокладывая путь, как прокладывает дорогу вожак птичьей стаи, чтобы всем идущим следом было легче. Наверное, поэтому он сам не пользовался результатами своих трудов. Это судьба высшего служения, удел очень сильных людей.

Да умножатся во имя его добрые дела.

*Женщина, которой Бог даровал счастье быть его женой и соратницей,
Алена Левашова.*

P.S. От имени Олега и в память о нем я передаю в дар Оружейной палате две вещи из его личной коллекции.

Поречье, 2000 г.